

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

© 2024 г. И.П. Цапенко^{а,*}, К.А. Субхангулова^{а,**}

^аНациональный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

*E-mail: tsapenko@bk.ru

**E-mail: ksubkhangulova@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.09.2024 г.

После доработки 16.10.2024 г.

Принята к публикации 25.10.2024 г.

В статье анализируются понятия социального и демографического развития, толкуемые преимущественно как поступательное движение к более совершенному состоянию, как изменения к лучшему в качестве жизни и демографических характеристиках населения. По мнению авторов, позитивную демографическую динамику не следует оценивать исключительно как прогресс, а негативную – сугубо как регресс, без учёта социально-экономического контекста и этапа демографического перехода в конкретном обществе. В условиях глобальных демографических сдвигов, включая масштабное распространение депопуляции, конструируется новое представление о демографическом оптимуме, допускающее отсутствие роста населения и приоритет качественных социально-демографических параметров (состояние здоровья, уровень образования населения и т.п.).

Показано, что демографические процессы в разных группах стран порождают серьёзные социальные вызовы, специфичные для этих территорий, и оказывают значимое влияние на их социальное развитие. В то же время в силу общности ключевых сдвигов в сфере народонаселения в более и менее развитых регионах мира вероятно возникновение и там и там сходных социальных последствий. Установлено прямое, более сильное на глобальном Севере, чем на Юге, влияние показателя ожидаемой продолжительности жизни на индекс социального прогресса (ИСП), используемый в качестве композитного показателя качества жизни, причём наблюдается обратная зависимость ИСП от коэффициента естественного прироста населения. В странах Севера обнаружено более значимое влияние на ИСП демографических, нежели экономических показателей.

Ключевые слова: социальное и демографическое развитие, прогресс и регресс, индекс социального прогресса, рождаемость, естественный прирост населения, ожидаемая продолжительность жизни, демографический оптимум, депопуляция, демографический дивиденд.

DOI: 10.31857/S0869587324110023, EDN: SFEXEG

ЦАПЕНКО Ирина Павловна – доктор экономических наук, заведующая сектором социально-экономического развития и миграционных процессов ИМЭМО РАН. СУБХАНГУЛОВА Ксения Альмировна – кандидат экономических наук, научный сотрудник сектора социально-экономического развития и миграционных процессов ИМЭМО РАН.

Масштабные изменения в глобальном демографическом ландшафте и их серьёзные социальные последствия порождают острые дискуссии относительно проблем демографического и социального развития. Однако данные понятия пока не имеют общепринятых определений, их трактовки неоднозначны, отсутствует единая позиция относительно того, считать ли развитие тождественным прогрессу или этот термин включает наряду с восходящим и нисходящее, регрессивное движение.

Несмотря на то, что воздействие демографических процессов на экономику и экологию анализировалось достаточно подробно, их влияние на качество жизни, особенно на Севере, нуждается в более глубоком изучении. Перед исследованием, положенным в основу данной статьи, были поставлены следующие задачи: систематизация подходов к определению социального и демографического

развития и уточнение содержания данных понятий; описание и анализ мировых демографических трендов и характеристика связанных с ними социальных вызовов; количественная оценка влияния демографических и социально-демографических показателей на индекс социального прогресса (ИСП), рассматриваемый как композитный показатель качества жизни. Анализировались труды ведущих отечественных и зарубежных учёных в социально-демографической области, использовались статистические данные ООН, международных объединений экспертов в рамках проектов “The Social Progress Imperative” (разработка ИСП) и “National Transfer Accounts”, а также результаты собственного эконометрического исследования.

ПОНЯТИЕ И ДИСКУРСЫ СОЦИАЛЬНОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Понятие *развития* относится к числу наиболее дискуссионных в современном общественном сознании. Для него характерна практически не имеющая аналогов в научной литературе широта употребления, за которой стоит ёмкость, многозначность содержания и соответственно разнообразие определений данного концепта. В философской энциклопедии известный российский философ и социолог Б.А. Грушин определял развитие как “высший тип движения и изменения в природе и обществе”, объёмно толкуя этот термин: “Согласно господствующим в философии представлениям, развитие материи и сознания, взятое в целом, представляет собой бесконечное движение по восходящей спирали, движение хотя и противоречивое, включающее в себя отступления, возвращения назад, но в принципе отличающееся всё же скорее прогрессивной направленностью – идёт от форм простых к формам сложным, от систем низших, примитивных к системам высшим, высокоорганизованным” [1, с. 251]. Ведущие российские политологи уточняют, что общественное развитие в его строгом толковании – это “приращение нового качества, утверждение новых ориентиров и рубежей” [2, с. 45], это “всегда движение к более совершенному состоянию с пониманием того, что это движение может иметь выражено нелинейную траекторию” [3, с. 179]. В то же время под развитием иногда подразумевают разнонаправленный процесс в логике прогресса и регресса, восходящего и нисходящего движения [2, с. 45], однако для обозначения “изменения с заданным вектором” предпочтительнее употреблять термины “динамика”, “эволюция” и т.п. [3, с. 179].

Концепт общественного, или общесоциального, развития (обозначаемого на английском и роман-

ских языках термином *social*)¹ стал активно разрабатываться с 50-60-х годов прошлого века. Причём его содержание нередко сводилось сугубо к экономическому росту. Подобный подход доминировал в общественных науках на протяжении длительного времени и нашёл отражение, в частности, в модернистской и структуралистской парадигмах преодоления отсталости стран глобального Юга. Однако негативные последствия экономического роста для жизни людей побудили учёных к пересмотру этого концепта в пользу его более многомерного представления в рамках социально ориентированных и гуманистических подходов.

Британско-новозеландский экономист Д. Сирс предложил рассматривать развитие сквозь призму “сокращения бедности, неравенства и безработицы”, подчёркивая, что при сохранении указанных трёх проблем экономический рост не может вести к развитию [5, р. 7]. В подобной трактовке не только чётко обозначены социальные параметры развития и его связь с решением общественно значимых задач, но и раскрывается его суть с позиций как позитивного, так и нормативного подходов.

Институционалисты акцентировали сопряжение развития с удовлетворением базовых потребностей человека и расширением его возможностей. Шведский экономист, лауреат Нобелевской премии Г. Мюрдаль утверждал, что категория развития означает “восходящее движение всей общественной (социальной) системы... охватывающей экономические и неэкономические факторы, включая образование, потребности в сфере образования и здравоохранения, распределение власти в обществе, стратификацию, институты и установки” [6, р. 729]. Индийский экономист и философ нобелевский лауреат А. Сен продвигал так называемый возможностный подход к развитию, ориентированный на человека; его реализация должна способствовать увеличению доходов, повышению уровня образования, улучшению здоровья, социальной инклюзии и т.п. А. Сен видел развитие в устранении главных источников несвободы, таких как бедность, голод, безработица, плохое качество и недостаток государственных социальных услуг и институтов [7].

Эти и близкие им по тематике исследования способствовали утверждению некоего общего, разделяемого многими учёными понимания социального развития как *улучшения качества жизни* путём преодоления социальных несовершенств и неравенств. Подобная установка получила закрепление в Программе развития ООН, целью деятельности которой стало развитие человеческого потенциала. Она также нашла отражение в инициативах Всемирного банка, где социальное развитие приобрело черты

¹ В широком смысле понятие общественного развития можно интерпретировать, например, как “качественные изменения характера социальных взаимодействий и природы тех пространств, которые они формируют” [4, с. 9].

важнейшего компонента более широких проектов развития стран и сообществ.

С течением времени понятие социального развития обогащается новыми трактовками. Формирование нелиберальных представлений о развитии привнесло идеи о необходимости более “справедливого” распределения ресурсов (с точки зрения соответствия прав доступа к ним и экономико-технологических возможностей их освоения) и повышения благосостояния в глобальном масштабе с учётом экономических, социальных и экологических ориентиров. Близкая к этому течению концепция устойчивого развития, возникшая в 1980-е годы, предполагает борьбу с бедностью, развитие человека, повышение социальной инклюзивности, уменьшение экологической нагрузки и создание комфортной и безопасной среды обитания. Хотя данный конструкт претендует на комплексность, реально указанные цели противоречат друг другу, что делает их труднодостижимыми в совокупности: борьба с бедностью подразумевает экономический рост с неизбежными экологическими издержками, тогда как противодействие неблагоприятным климатическим изменениям, напротив, нередко подразумевает отказ от активной промышленной политики [8, с. 25]. Не менее спорной, имея в виду её реализацию, но привлекательной с точки зрения повышения качества жизни выглядит и концепция устойчивой трансформации на базе антироста (отрицательного экономического роста, *sustainable degrowth transformation*). Этот конструкт базируется на идее, в соответствии с которой прогресс человечества возможен и при сокращении производства и потребления, а продвижение “экономики построста” позволяет улучшить благополучие людей [8].

Тенденция дистанцирования от экономикоцентричных подходов, а вместе с ними и от традиционной повестки развития сверху вниз, продвигаемой международными финансовыми и иными организациями, а также от моделей догоняющего развития по западным, претендующим на универсальность лекалам ярко проявилась в дискурсе о так называемом постразвитии – вокруг альтернативных путей эволюции общества [9]. В их числе, в частности, человекоориентированное и партисипативное эндогенное развитие снизу вверх, которое отвечает локальным приоритетам, потребностям и устремлениям и предусматривает мобилизацию людей на улучшение жизни их сообществ [10]. Хотя данный подход не заменил действующие модели развития на макроуровне, он стал важным ценностным слагаемым стратегий решения проблем на мезо- и микроуровне.

При многогранности современной повестки социального развития, вобравшей в себя весьма широкий круг разнообразных тематических пластов общественной жизни (от цифровизации и формирования ответственного управления до прав ЛГБТ), ключевое значение имеют вопросы качества жизни, включая его

факторы, а также вызовы и риски в этой области [4]. Среди многоплановых сопряжений разных параметров и детерминант благополучия людей и сообществ обозначена и взаимосвязь социального и демографического развития.

Понятие демографического, как и социального, развития (*demographic development*) не имеет общепринятого устоявшегося определения. Однако в отличие от социального развития данный термин не получил широкого распространения в зарубежной литературе; его произвольно подменяют смежные, не вполне синонимичные дефиниции (рост, движение населения и др.), которые не полностью перекрывают соответствующее смысловое поле.

В работах отечественных демографов Д.И. Валентя, Н.В. Зверевой и других первоначально разрабатывалась более широкая дефиниция – “развитие населения”, фактически совпадающая по значению с термином “развитие человеческого потенциала” и включающая в себя всю совокупность его составляющих – количественных и качественных изменений не только демографического ядра, но и взаимосвязанных с ним социальных, экономических и прочих слагаемых (уровень образования, здоровье и др.) [11, с. 10].

В публикациях российских авторов термин “демографическое развитие” употребляется довольно часто, нередко имплицитно подразумевая происходящие на конкретной территории в определённый период времени демографические процессы или их совокупности. Российский демограф И.Е. Калабихина сопрягает понятие демографического развития с концепцией демографического перехода: “Демографическое развитие – это процесс эволюционных количественных изменений (воспроизводство населения) и революционных качественных изменений (движение по стадиям демографических переходов)” [12, с. 540]. Такое понимание соответствует идее В.Ф. Галецкого о том, что “следствием демографического перехода является изменение логики популяционного развития того или иного этноса, расы и т.д., которое необратимо, так как вернуться к прежним режимам воспроизводства и типам демографического поведения невозможно” [13, с. 158]. Подобные суждения основаны на известных положениях о закономерном характере демографических сдвигов, их обусловленности ходом общественно-исторического развития и интегрированности в него [14, 15].

Более того, Д.И. Валентей настаивал на прогрессивном характере изменения качественных характеристик населения в процессе его развития [14, с. 38], подразумевая под последним поступательное движение вперёд. Опираясь на данный подход, российские социологи Т.К. Ростовская и А.М. Ситковский интерпретируют демографическое развитие в позитивном ключе – как “процесс увеличения численности населения, нормализации

его половозрастного состава, сокращения территориальных диспропорций в расселении народонаселения, укрепление института семьи и традиционных семейных духовно-нравственных ценностей, соответствие демографической динамики целям и задачам развития государства и общества” [16, с. 184], противопоставляя демографическое развитие демографической деградации.

Однако российские демографы высказывают и другую, по сути, противоположную точку зрения. Так, Ю.А. Прохорова толкует демографическое развитие как сочетание *позитивных и негативных изменений* в количественных и качественных характеристиках населения той или иной страны [17, с. 10, 11]. С.В. Рязанцев и Л.Л. Рыбаковский придерживаются схожей точки зрения (хотя и неявно), понимая развитие как комбинацию восходящего, то есть прогрессивного, и нисходящего, то есть регрессивного, движения, о чём можно судить по их тезису: “Депопуляция — это одно из состояний демографического развития страны, суть которого — в сокращении численности населения за счёт его естественной убыли” [18, с. 812].

Признавая право на существование обоих подходов, подчеркнём, что в ходе демографического развития, являющегося нелинейным и прерывистым процессом, периоды улучшения количественных и качественных характеристик населения перемежаются периодами их стагнации и ухудшения (особенно в условиях пандемий, экологических и социальных катастроф). Однако негативную демографическую динамику не следует рассматривать сугубо как регресс, а позитивную — исключительно как прогресс, более того, вектор одних и тех же изменений может оцениваться по-разному с учётом конкретного социально-экономического контекста и типов демографического развития обществ, находящихся на разных ступенях демографического перехода.

Таким образом, толкование социального и демографического развития остаётся не только неоднозначным, но порой противоречивым. На наш взгляд, в трактовке данных понятий ключевая роль должна отводиться именно *качественным преобразованиям* в условиях жизни и характеристиках населения, которые олицетворяют движение общества вперёд, пусть даже по извилистому и тернистому пути. Эти сдвиги, которым предшествуют и сопутствуют изменения *количественных параметров* населения, сопряжённые с перестройкой демографического сознания (ценностей) и поведения людей, режимов воспроизводства, усложнением системы взаимосвязей и переходом человеческой популяции в качественно новое состояние. Демографическое развитие проявляется, в частности, в изменениях таких характеристик населения, как его численность, половозрастной и этнорасовый состав, расселение, рождаемость, смертность, миграция, продолжительность жизни, брачность, разводимость, размер и тип семьи.

МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Данные текущей статистики ООН и прогноз, предложенный этой организацией в 2024 г., указывают на действие целого ряда глобальных трендов, имеющих исключительно высокую социальную значимость [19].

Во-первых, снижается рождаемость. Общемировой суммарный коэффициент рождаемости уменьшился с 2.8 живорождённых детей на одну женщину в возрасте 15–49 лет в 2000 г. до 2.3 в 2024 г., а к 2054 г. этот показатель, вероятно, снизится до 2.07 [20], то есть окажется меньше критического уровня (2.1), необходимого для поддержания постоянной численности населения при существующем уровне смертности и продолжительности жизни.

Во-вторых, в ответ на ухудшение соотношения рождаемости и смертности замедляется и затухает естественный прирост населения. Среднегодовые темпы прироста населения снизятся с 1.3% в нулевые годы XXI в. до 0.8 в 2020-е, 0.3 — в 2050-е, а с середины 2080-х годов и вовсе станут отрицательными. В результате рост мирового народонаселения с 8.2 млрд в 2024 г. до пиковых 10.3 млрд в середине 2080-х годов сменится его плавным убыванием [20].

В-третьих, увеличивается ожидаемая продолжительность жизни — важный критерий качества жизни. Этот показатель, сигнализирующий также о старении населения, в последние десятилетия непрерывно рос (за исключением периода эпидемии коронавируса) — с 66.4 года в 2000 г. до 73.3 в 2024 г., а к 2054 г., по-видимому, достигнет 77.4 года [20].

В то же время на фоне общемировых процессов сохраняются различия в состоянии народонаселения и тенденциях демографической динамики отдельных регионов и стран планеты. Такие расхождения наблюдаются как между Югом и Севером, так и внутри них. Это следствие различий стадий демографического перехода и типов развития населения соответствующих территорий, а также национальных особенностей социально-экономического, этнополитического, историко-культурного контекста, в котором протекают демографические процессы.

Вместе с тем дистанция между мировыми максимумами и минимумами показателей рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни сужается за счёт подтягивания их значений на Юге к соответствующим величинам на Севере. Отражая глобальные демографические сдвиги, границы индикаторов фертильности различий смещаются: индикаторов фертильности — вниз, а продолжительности жизни — вверх.

Доминантная демографическая тенденция на Севере — набирающая силу депопуляция, которая уже охватила Японию и большую часть Европы, включая Россию, Германию, Италию и Испанию. Подобная

негативная динамика, деструктивно сказывающаяся на сохранности автохтонного населения территорий, выступает закономерным результатом нарастающей деформации возрастной пирамиды в условиях интенсивного демографического старения. С одной стороны, это следствие абсолютного и относительного увеличения доли пожилых когорт, особенно в странах, где ожидаемая продолжительность жизни уже превышает 80 лет². С другой стороны, это эффект сжатия когорт репродуктивного возраста, чему сопутствует падение рождаемости до сверхнизкого уровня — менее 1.5 живорождений на одну женщину в России, Италии, Испании и большинстве стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Кроме того, в ЦВЕ, где продолжительность жизни ниже 80 лет, депопуляцию усиливает эмиграция, не только физически вымывающая население, но и влекущая за собой будущие потери в рождаемости в силу интенсивного оттока людей именно молодого, детородного возраста [19].

В то же время в целом ряде государств Севера продолжается умеренный рост населения. Это страны Северной Европы, Бельгия, Великобритания, Ирландия, Нидерланды, Франция и Швейцария, а также Австралия, Новая Зеландия, Канада и США. Там продолжительность жизни повсеместно, за исключением США, превышает 80 лет, однако удельный вес пожилых когорт пока в среднем меньше, чем в предыдущей группе стран, причём сохраняется небольшой естественный прирост населения, чему способствуют государственные меры поддержки семей с детьми. Важным драйвером позитивной демографической динамики является иммиграция, которая выступает экзогенным, внешним для данной популяции фактором её пополнения. Иммиграция также влияет и на действие эндогенного, внутреннего фактора движения населения, несколько повышая рождаемость и естественный прирост за счёт появления более многочисленных потомков у новых резидентов, по сравнению с местными жителями. В этом случае речь идёт уже о самодвижении населения, представляющем его развитие — “имманентный процесс, источник которого заключён в самом развивающемся объекте” [1, с. 252].

Характерные черты демографической динамики основной части стран Юга, которые находятся на промежуточных стадиях демографического перехода, включая Индию, Индонезию и Нигерию (самые многонаселённые страны в мире), — сохранение рождаемости на достаточно высоком уровне при молодости жителей и продолжение довольно интенсивного, подчас бурного роста населения. Последнее в наибольшей мере присуще бедным странам, таким как ЦАР, Демократическая республика Конго, Нигер и Сомали, где суммарный коэффициент рождаемости в 2024 г. достигал 6 живорождений на

² Доля людей старше 65 лет уже составляет в Японии 30% (продолжительность жизни 84.9 года), в Италии и Португалии 25%, в Греции 24%, в Германии 23% [20].

женщину. Именно за счёт наименее развитых стран, доля которых в общей численности жителей планеты увеличивается (с 11% в 2000 г. до 15% в 2024 г., 21% в 2054 г. и 27% в 2084 г.³), продолжает усиливаться мировая асимметрия в распределении населения между Севером и Югом. В то же время наблюдаемые снижение рождаемости и замедление роста населения этих стран свидетельствуют об их переходе на более высокую ступень демографического развития.

Напротив, в другой группе стран Юга, находящихся в продвинутых фазах демографического перехода, набирают силу процессы, схожие с происходящими на Севере, а подчас даже более интенсивные, что проявляется в гораздо более выраженных демографических контрастах в менее развитых регионах мира по сравнению с более развитыми (согласно классификации ООН). Показательно, что самая низкая рождаемость отмечена отнюдь не на Севере, а на Юге, в Восточной Азии — в Гонконге и Республике Корея, где её суммарный коэффициент в 2024 г. был ниже 0.75. По ожидаемой продолжительности жизни Гонконг также является мировым лидером — 85.6 года, Республика Корея занимает третье место в мире после Японии — 84.4 года. Депопуляция охватывает растущее число государств Юга на разных континентах⁴, круто разворачивая траекторию их развития.

Демографические процессы не только сопряжены с происходящими в других сферах трансформациями, но и в определённой мере автономны от них, более того, они “первичны по отношению ко многим экономическим и культурным переменам” [21, с. 267], способны оказывать заметное воздействие на социальную динамику. Движение населения порождает в разных группах стран специфические для них серьёзные социальные последствия. Однако в силу общности вектора глобальных сдвигов в сфере народонаселения на Севере и Юге вполне вероятно возникновение неких единых закономерностей и формирование сходных социальных эффектов таких процессов в разных регионах мира.

В бурном увеличении населения бедных стран современные представители неомальтузианства (приверженцами идей которого некогда были члены Римского клуба) и даже поборники радикального варианта концепции устойчивого развития видят угрозы усиления антропогенной нагрузки на природную среду, дефицита необходимых для жизни ресурсов и социальных услуг и в целом ухудшения условий жизни людей. Согласно сторонникам данного подхода, отсюда следует необходимость тормо-

³ Рассчитано по [20].

⁴ На Юге пик роста населения уже прошли Китай, Республика Корея, Таиланд, Грузия, Армения, Уругвай, островные государства Карибского бассейна и Маврикий. В ближайшие 30 лет начнёт убывать население Ирана, Вьетнама, Сингапура, Бразилии, Аргентины, Чили, Колумбии, Турции, Туниса и Азербайджана [19].

жения демографического роста и даже депопуляции, одним из факторов которых выступает ограничительное воздействие на репродуктивное поведение людей (наряду с войнами, пандемиями, природными бедствиями и др.) [22]. Однако, как представляется, в отличие от стратегии принуждения к малолетности действительно эффективным, здоровым и при этом гуманным подходом может быть лишь добровольное снижение рождаемости государствами Юга, сопряжённое с мерами планирования семьи, преодоления дискриминации, расширения прав и социальных возможностей женщин, формирования и реализации человеческого потенциала. Ориентация на такую установку открывает окно возможностей, известное как дивиденд молодой образованной рабочей силы (*первый демографический дивиденд*).

Серьёзные вызовы государствам Севера и некоторым передовым странам Юга создаёт стремительное старение населения. Усиление нагрузки на системы здравоохранения, пенсионных выплат и социального обслуживания угрожает ухудшением стандартов качества жизни массовых слоёв населения, в первую очередь менее обеспеченных. Эти риски усугубляет нарастающая нехватка трудовых ресурсов требуемого качества. В подобных социально-демографических условиях необходимо реализовать модели развития, которые ориентированы на продвижение “серебряной” экономики и позволяют извлечь выгоду из здорового, социально и экономически активного и по возможности материально обеспеченного долголетия (*второй демографический дивиденд*) [23]. Такие модели предполагают, кроме того, поддержку семей с детьми и другие инициативы, благоприятствующие повышению рождаемости, включая продвижение ценностей отцовства и материнства.

Ещё один демографический вызов современности связан с тем, что умеренная позитивная демографическая динамика, которую удаётся обеспечить в ряде богатых стран Севера за счёт иммиграционной подпитки, сопряжена с нарастанием давления потребностей приезжих и их потомков на социальную инфраструктуру на фоне ограниченного их вклада в её развитие. В результате возможно снижение доступности и качества социальных услуг для местного населения. Кроме того, в условиях нарастания неблагоприятных этнокультурных сдвигов вследствие иммиграции, ухудшения общественного порядка, санитарно-эпидемической обстановки и т.п. возникают угрозы безопасности и комфортности жизни автохтонного населения.

Серьёзность социальных последствий демографических процессов указывает на несоответствие между состоянием народонаселения, с одной стороны, и экономики и социальной сферы — с другой. Подобные дисбалансы имманентно присущи демографическому переходу, но различны по типу — в зависимости от этапа, на котором находится конкретное общество (высокие показатели

рождаемости и роста населения — низкий уровень социально-экономического развития и наоборот).

В этой связи представляет интерес понятие “*эффективное социально-демографическое развитие*”. Оно означает достижение оптимальных параметров воспроизводства населения за счёт эффективного использования социально-экономических ресурсов, включая управление взаимодействием социально-экономической и демографической систем [24, с. 39], и соответственно обеспечение большей сбалансированности движения населения с другими слагаемыми общественного развития. Данный конструкт пересекается с концепцией *демографического оптимума* (К. Вискель, А. Сови, А.Я. Боярский и др.), под которым понимается наиболее рациональный, исходя из выбранных критериев, тип воспроизводства населения данной страны или общества, подразумевающий оптимальные интенсивность процессов рождаемости и смертности, воспроизводство демографических структур и миграцию населения [25]. Эта концепция, первоначально ориентированная на бедные страны Юга, над которыми нависла угроза перенаселения, ныне проецируется и на государства Севера, где наблюдается депопуляция, включая Россию. Приходит новое, продиктованное современными реалиями понимание демографического оптимума (а потенциально и демографического развития), допускающее отсутствие роста населения и приоритет иных, преимущественно качественных социально-демографических параметров. Так, в докладе Фонда народонаселения ООН применительно к европейским странам, где низкий уровень рождаемости уже воспринимается как норма, недвусмысленно указано: “В большинстве стран ЕЭК ООН с хорошим состоянием репродуктивного и общего здоровья населения и высоким уровнем образования оптимальный уровень рождаемости ниже 2.1... потому что качественные характеристики людей с точки зрения их образования, здоровья и производительности имеют как минимум такое же значение, как и численность людей” [26, с. 27]. Отсюда следует вывод о целесообразности инвестиций не столько в повышение рождаемости, сколько в самих людей, их образование и занятость, укрепление здоровья и рост благополучия, а также в обеспечение гендерного равенства.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНЫХ ЭФФЕКТОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Существует немало статистических изысканий, в которых в качестве независимой переменной выступают показатели, характеризующие состояние народонаселения. Однако большая часть таких работ посвящена связям демографических процессов с экономической динамикой [27, 28 и др.]. Нами предпринята попытка оценить с помощью эконометрических методов наличие, направленность

и значимость социальных изменений, которые обусловлены сдвигами в сфере народонаселения.

Демографический фактор операционализирован четырьмя переменными, относящимися к числу ключевых показателей состояния и динамики народонаселения, которые разрабатываются ООН и другими организациями: коэффициент естественного прироста, коэффициент миграционного прироста, коэффициент суммарной рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни. Для улучшения качества моделирования в уравнение были добавлены ещё четыре социально-демографические переменные, значения которых представлены в международной базе данных “National Transfer Accounts”⁵. В частности, использованы два коэффициента разрыва между потреблением и трудовыми доходами двух возрастных категорий: во-первых, детей и молодёжи (до 24 лет), во-вторых, пожилых людей (старше 65 лет)⁶. Эти коэффициенты позволяют судить о тяжести нагрузки лиц нетрудоспособного возраста (или условно считающегося нетрудоспособным) на социальную сферу и соответственно о влиянии на состояние этой сферы изменений в возрастной структуре населения. Кроме того, в уравнение включены индексы эффектов первого и второго демографического дивидендов, измеряющие соответственно повышение доходов населения благодаря увеличению численности его трудоспособной части и рост экономики благодаря накопленным пожилыми сбережениям⁷, наряду с их знаниями, навыками, опытом.

Интегральным показателем социального развития выступил Индекс социального прогресса (далее – ИСП, индекс), используемый в качестве зависимой переменной в регрессионном анализе⁸. ИСП

⁵ В рамках проекта “National Transfer Accounts” рассчитываются показатели, призванные дополнить данные о влиянии роста населения и изменения его возрастной структуры на макроэкономические характеристики рассматриваемых стран.

⁶ Коэффициенты разрыва представляют собой процентное соотношение разницы между потреблением и трудовыми доходами определённой возрастной категории к совокупным трудовым доходам всего населения [29, 30].

⁷ Индекс эффектов первого демографического дивиденда рассчитывается как темп роста душевого дохода в постоянных ценах за счёт увеличения коэффициента поддержки (соотношение численности работников и потребителей разных возрастов, агрегированной соответственно по трудовым доходам и потреблению этих групп). Индекс эффектов второго демографического дивиденда рассчитывается как темп роста душевого дохода в постоянных ценах за счёт увеличения капиталовложений [30, 31].

⁸ Рассматривалась возможность использования композитного Индекса качества жизни, который рассчитывается частной компанией Numbeo (https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp?title=2021). Однако отсутствие ясного описания методологии построения этого индекса, а также его опора не на принятые жёсткие статистические индикаторы, а на мягкие показатели, рассчитываемые на основе ответов опрашиваемых посетителей сайта Numbeo, вызвали сомнения в надёжности этих данных.

разрабатывается с 2011 г. некоммерческим международным объединением экспертов по 170 странам. Он представляет собой многомерный композитный измеритель, при построении которого используются 57 индикаторов, агрегированных в три подиндекса. Названия последних соответствуют ключевым аспектам жизнедеятельности общества: “удовлетворение основных потребностей человека”, “обеспечение основ благополучия”, “возможности”. Соответственно первый подиндекс характеризует удовлетворение потребностей людей в жилье, чистой воде, питании, безопасности, первичной медицинской помощи и т.п. Второй – доступность образования, здравоохранения, коммуникаций и информации. Третий – меру реализации свободы выбора, права голоса, возможности получения более высокого уровня образования, инклюзивности общества. Итоговые значения индекса и подиндексов распределяются по шкале от 0 до 100 баллов, где большему значению соответствует более высокий уровень социального развития и благополучия страны. Источниками информации служат международные статистические базы, дополняемые результатами опросов населения и экспертными оценками [32].

Учитывая известную из уже проведённых исследований взаимосвязь бурного роста населения с социально-экономической отсталостью в развивающихся регионах мира, мы сосредоточили внимание на выявлении не столь очевидной зависимости демографической и социальной динамики в развитых регионах. Построение панельной модели проводилось на материале 46⁹ развитых стран за одиннадцатилетний период – с 2011 по 2021 г. Моделирование реализовано с учётом особенностей стран и структурных сдвигов, происходящих с течением времени. Необходимость включения в уравнение временных эффектов и отсутствие линейной связи между переменными подтверждены тестом Вальда и методом инфляционных факторов соответственно. Во всех регрессиях применены устойчивые к гетероскедастичности¹⁰ стандартные ошибки. На основе проведённых тестов на различие констант в группах Бройша–Пагана и Хаусмана из трёх вариантов построенных регрессий – объединённый метод наименьших квадратов (МНК), модели со случайными и фиксированными эффектами – лучшие характеристики оказались у последней. При составлении уравнения (1) оказались значимыми 4 из 8 независимых переменных: ожидаемая продолжительность жизни, коэффициент естественного прироста, индекс первого демо-

⁹ Северная Македония – развитая по классификации ООН страна, была исключена из выборки ввиду отсутствия статистической информации по нескольким переменным.

¹⁰ Гетероскедастичность случайных ошибок – это неоднородность наблюдений, которая приводит к получению неэффективных (некачественных) оценок коэффициентов при переменных.

графического дивиденда и второй коэффициент разрыва (у категории старше 65 лет) (табл. 1):

$$\text{ИСП} = \beta_1 \cdot \text{КЕП}_{it} + \beta_2 \cdot \text{ОПЖ}_{it} + \beta_3 \cdot \text{КР}(65+)_{it} + \beta_4 \cdot \text{ИПДД}_{it} + \mu_i + \gamma_i + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где β – оценки коэффициентов при переменных, КЕП – коэффициент естественного прироста, ОПЖ – ожидаемая продолжительность жизни, КР – коэффициент разрыва между потреблением и доходами пожилых людей, ИПДД – индекс эффектов первого демографического дивиденда, μ и γ – страновые и временные эффекты соответственно.

На основе полученных значений коэффициентов при независимых переменных, характеризующих их влияние на зависимую величину, можно предположительно оценить воздействие демографических процессов на социальные. Очевиден позитивный эффект увеличения ожидаемой продолжительности жизни, подтверждающий важность этого параметра как показателя качества жизни (при удлинении продолжительности жизни на один год ИСП увеличивается на 0.36 пункта). Учитывая агрегирование в индексе индикаторов, характеризующих реализацию возможностей людей, подобная связь отражает

удовлетворение более широкого круга социальных потребностей и более полное раскрытие социального потенциала людей, которые живут дольше (при условии длительного здорового и активного периода). В работах зарубежных исследователей подтверждено положительное влияние роста ожидаемой продолжительности жизни на увеличение человеческого капитала и доходов населения [35].

Подобная связь прослеживается и в странах Юга (в модели с фиксированными эффектами, построенной на основе данных 116 государств этой группы, коэффициент при соответствующей переменной составляет 0.25). Хотя увеличение продолжительности жизни положительно сказывается на социальной динамике всех стран, независимо от уровня их развития, в странах Юга эта зависимость заметно слабее, чем на глобальном Севере, где благодаря высокому уровню развития здравоохранения, образования и социального обеспечения население располагает гораздо большими социальными перспективами. Иначе говоря, лишь высокие стандарты качества жизни позволяют по-настоящему раскрыть потенциал долголетия, которое становится действенным фактором социального прогресса и благополучия людей.

Таблица 1. Модели оценки влияния демографических показателей на Индекс социального прогресса

Переменная	Спецификация		
	объединённый (pooled) МНК (1)	модель с фиксированными эффектами (2)	модель со случайными эффектами (3)
Коэффициент естественного прироста населения на 1000 человек, промилле	-0.21** (0.09)	-0.35* (0.09)	-0.41* (0.09)
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	1.08 * (0.21)	0.36 ** (0.16)	0.61 * (0.15)
Коэффициент разрыва между потреблением и трудовыми доходами лиц старше 65 лет, %		0.19 ** (0.09)	
Индекс эффектов первого демографического дивиденда		0.3* (0.05)	0.14* (0.05)
ВВП (ППС) на душу населения, долл. США	0.0002** (0.00007)		
Количество наблюдений	506	506	506
R ² (коэффициент детерминации)	R ² = 0.767 Скорректир. R ² = 0.765	LSDV R ² = 0.992***, в пределах R ² = 0.792	—

Примечание: в скобках указана величина стандартной ошибки; при проведении регрессионного анализа константа в уравнении оказалась незначимой.

*Значимость регрессора на 1%-ом уровне.

**Значимость регрессора на 5%-ом уровне.

***LSDV R² (R-square для *least squares dummy variables model*) – это коэффициент детерминации для модели с фиктивными переменными, учитывающий тип панельных данных. “В пределах R²” – это скорректированный коэффициент детерминации для модели с фиксированными эффектами.

Источник: расчёты авторов на основе [20, 30, 33, 34].

Следует отметить, что на Севере обнаружена обратная зависимость ИСП от естественного движения населения (при увеличении коэффициента естественного прироста на 1 промилльный пункт индекс снижается на 0.35 пункта). Это указывает на разновекторность двух данных процессов: улучшение качества жизни сопряжено с нисходящей динамикой населения. Если не считать подобную связь статистически недостоверной, негативное влияние роста населения на социальное развитие, кажущееся парадоксальным для стран Севера, особенно в фазе депопуляции, вполне согласуется с представлениями о допустимости и даже оптимальности низкой рождаемости при высоком уровне образования и хорошем состоянии здоровья населения [26]. Такой эффект можно попытаться объяснить проблемами социального развития в условиях экономической неустойчивости: переживающее кризис социальное государство не способно обеспечить необходимое финансирование социальных услуг, а следовательно, и их предоставление растущему населению в соответствии с требуемыми объёмом и качеством.

Моделирование показывает, насколько первый демографический дивиденд (вклад молодой образованной рабочей силы) реализуется в социально-экономической сфере (повышение индекса эффектов соответствующего дивиденда на 1 пункт приводит к увеличению ИСП на 0.3 пункта). Данный вывод соответствует результатам российских и зарубежных учёных, которые на материале разных стран продемонстрировали наличие прямых связей между демографическим дивидендом и экономическим ростом [36, 37], с которым ассоциируется повышение доходов и улучшение многих других параметров благополучия людей.

В то же время установлено позитивное влияние потребления пожилых на социально-экономическую сферу (рост коэффициента разрыва между потреблением и трудовыми доходами лиц пожилого возраста на 1 процентный пункт сопровождается увеличением ИСП на 0.2 пункта). Учитывая, что коэффициент разрыва имеет тем большее значение, чем выше потребление данной группы населения и чем ниже её трудовые доходы, а расширение потребления может происходить как за счёт увеличения социальных трансфертов, так и использования личных сбережений, интерпретация выявленной связи представляет определённые трудности. Объясняя её, можно исходить из того, что коэффициент разрыва косвенно отражает платёжеспособный спрос пенсионеров (как работающих, так и неработающих) на социальные и иные ориентированные на старшую возрастную группу товары и услуги, и подобный спрос способствует развитию соответствующих секторов “серебряной” экономики. Однако коэффициент эффектов второго демографического дивиденда незначим (вероятность того, что коэффициент не оказывает влияния на индекс, равна 92.64%), поэтому пока

нельзя говорить о явном позитивном влиянии старения общества на социальное развитие.

В качестве контрольного регрессора использовался показатель ВВП (по ППС) на душу населения, прямая зависимость ИСП от которого уже была выявлена в проведённых ранее исследованиях. В нашем исследовании наличие указанной положительной связи было подтверждено, однако при условии исключения всех восьми демографических/социально-демографических предикторов, выбранных первоначально для анализа. Это позволяет допустить, что демографические процессы оказывают более существенное влияние на социальное развитие, по сравнению с экономическими, по крайней мере, в рассматриваемый период, который характеризуется экономической неустойчивостью. Подобное предположение соответствует результатам предшествующих исследований, согласно которым “в период экономического спада роль и значение некоторых неэкономических факторов возрастает, в то время как экономические факторы имеют всё более ограниченное влияние” [38, с. 15]. Взаимосвязь душевого ВВП (по ППС, с учётом демографических факторов) и ИСП развивающихся стран подтвердилась, в отличие от развитых стран, однако невысокое значение показателя говорит о сопоставимости социальных эффектов демографических и экономических процессов на Юге.

При этом связь между ВВП (по ППС) на душу населения и ИСП не вполне чёткая: высокие значения индекса зачастую имеют отнюдь не самые богатые страны мира. Например, по данным за 2020–2021 гг. в Чили, Коста-Рике, Аргентине и Уругвае, где душевой показатель ВВП не превышал 23 тыс. долл. США, ИСП достигал значительных величин – больше 77 баллов. В Греции, Латвии и Хорватии, не относящихся к числу наиболее развитых государств Севера (менее 30 тыс. долл. США), значения ИСП составляют около 80 баллов, приближаясь к максимальным мировым отметкам. Напротив, в таких богатых арабских экономиках, как Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ, Индекс социального прогресса ниже – не более 73 баллов [33, 34].

Таким образом, выявлена зависимость ИСП от ряда демографических и социально-демографических показателей, количественные значения которых отражают качественные характеристики населения. Это свидетельствует о влиянии демографических факторов на социальное развитие, прежде всего речь идёт об ожидаемой продолжительности жизни, естественном приросте населения и его возрастной структуре, представленной аналоговыми (ргоху) индикаторами её социально-экономических эффектов. Можно предположить, что в странах Севера на социальную динамику большее воздействие оказывают демографические, а не экономические процессы.

* * *

Систематизация и анализ трактовок социального и демографического развития позволяют утверждать, что в их современной интерпретации доминирует понимание этих категорий как поступательного движения вперёд к более совершенному состоянию, как изменений к лучшему параметров, связей и структур, имеющих отношение к качеству жизни и демографическим характеристикам населения. В условиях глобальных демографических сдвигов, включая масштабное распространение депопуляции, формируется новое представление о демографическом оптимуме, а потенциально и демографическом развитии, которое допускает отсутствие роста населения и приоритет его качественных социально-демографических характеристик.

В ходе эконометрического исследования выявлено значимое влияние демографических процессов на социальную динамику. Установлена прямая, более сильная на Севере, чем на Юге, взаимосвязь Индекса социального прогресса и показателя ожидаемой продолжительности жизни, что вполне закономерно, учитывая статус последнего как признанного индикатора качества жизни. В то же время зависимость ИСП от коэффициента естественного прироста населения носит обратный характер, что кажется парадоксальным для стран, находящихся в фазе депопуляции, и может быть объяснено кризисом социального государства, не способного в полной мере удовлетворять социальные потребности населения. Важный вывод состоит в том, что в странах Севера обнаружено более значимое влияние на социальный прогресс демографических, нежели экономических показателей. Вместе с тем эта зависимость выражена умеренно и не носит характера демографического детерминизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грушин Б.А.* Развитие // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и дополн. Т.3. М.: Мысль, 2010. С. 251–252.
Grushin B.A. Development // New Philosophical Encyclopedia. 2nd edition, corrected and supplemented. Vol. 3. Moscow: Mysl, 2010, pp. 251–252. (In Russ.)
2. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2023.
Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field / Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves mir, 2023. (In Russ.)
3. *Гаман-Голутвина О.В.* Концепт идентичности: движение от абстрактного к конкретному // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 177–191. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.12
Gaman-Golutvina O.V. The concept of identity: movement from the abstract to the concrete // Polis. Political Studies. 2024, no. 3, pp. 177–191. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.12 (In Russ.)
4. *Семенов И.С.* Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 7–26. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02
Semenenko I.S. Horizons of responsible development: from discourse to governance // Polis. Political Studies. 2019, no. 3, pp. 7–26. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02 (In Russ.)
5. *Jarso G.* Changes and continuity in the conceptualization of development: A review // International Journal of Peace and Development Studies. 2017, no. 8(6), pp. 64–68. November 2017. DOI: 10.5897/IJPDS2016.0277
6. *Myrdal G.* What is Development // Journal of Economic Issues. 1974, no. 8(4), pp. 729–736.
7. *Sen A.* Development as Freedom. Oxford: Oxford University Press, 1999.
8. *Бардин А.Л., Сигаичев М.И.* Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 24–41. DOI: 10.20542/afij-2019-4-24-41
Bardin A.L., Sigachev M.I. Discourses of development: social and humanitarian aspects // Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 4, pp. 24–41. DOI: 10.20542/afij-2019-4-24-41 (In Russ.)
9. *Ashrafuzzaman M., Rahman M.* A Critical Analysis of the Development Paradigm // Quantum Journal of Social Sciences and Humanities. 2022, no. 3(1), pp. 26–36. DOI: 10.55197/qjssh.v3i1.121
10. *Islam M.* Conceptualizing Development and Underdevelopment: From Classical Modernization to Contemporary Post-Development Discourse // Journal of Asian Development. 2018, no. 4(2), pp. 107–122. DOI: 10.5296/jad.v4i2.13463
11. Основы теории народонаселения / Под ред. Д.И. Валентея. М.: Высшая школа, 1977.
Fundamentals of Population Theory / Ed. by D.I. Valentey. Moscow: Vysshaya shkola, 1977. (In Russ.)
12. *Калабихина И.Е.* “Гендерный переход” и демографическое развитие // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 2. С. 540–554. <https://www.e-rej.ru/Articles/2009/Kalabikhina.pdf> (дата обращения 29.05.2024).
Kalabikhina I.E. “Gender transition” and demographic development // Russian Economics online-journal. 2009, no. 2. pp. 540–554. <https://www.e-rej.ru/Articles/2009/Kalabikhina.pdf> (In Russ.)
13. *Галецкий В.* Демографическое развитие и его социально-экономические последствия // Проблемы прогнозирования. 2002. № 5. С. 154–159.
Galetsky V. Demographic development and its socioeconomic consequences // Studies on Russian Economic Development. 2002, no. 5, pp. 154–159. (In Russ.)

14. Система знаний о народонаселении / Под ред. проф. Д.И. Валентея. М.: Статистика, 1976.
System of knowledge about the population / Ed. by prof. D.I. Valentey. Moscow: Statistika, 1976. (In Russ.)
15. *Зверева Н.В.* Развитие народонаселения // Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985.
Zvereva N.V. Population development // Demographic Encyclopedic Dictionary / Ed. by D.I. Valentey. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1985. (In Russ.)
16. *Ростовская Т.К., Ситковский А.М.* Ресурсы демографического развития: к вопросу об унификации понятий в демографических исследованиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 1. С. 178–200. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.10
Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M. Demographic development resources: On the unification of concepts in demographic research // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024, 17(1), pp. 178–200. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.10 (In Russ.)
17. *Прохорова Ю.А.* Международная миграция населения в концепциях демографического перехода: автореф. дис. канд. экон. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2015. 28 с. https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01007980715.pdf (дата обращения 01.06.2024).
Prokhorova Yu.A. International migration of population in the concepts of demographic transition: dissertation' abstract of candidate of economic sciences. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2015, p. 28. https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01007980715.pdf (accessed 01.06.2024). (In Russ.)
18. *Рязанцев С.В., Рыбаковский Л.Л.* Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской академии наук. 2021. № 9. С. 810–819.
Ryazantsev S.V., Rybakovsky L.L. Demographic development of Russia in the XX–XXI centuries: historical and geopolitical dimensions // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2021, no. 9, pp. 810–819. (In Russ.)
19. World Population Prospects 2024: Summary of Results. UN DESA/POP/2024/TR/NO. 9.
20. UN Population Division Data Portal (2024). <https://population.un.org/DataPortal> (accessed 20 September 2024)
21. *Вишневский А.Г.* Время демографических перемен. М.: Издательский дом ВШЭ, 2015.
Vishnevsky A.G. Time of demographic changes. Moscow: Izdatel'skiy dom VShE, 2015. (In Russ.)
22. *Гловели Г.Д.* Мальтузианство. БРЭ, 2023. <https://bigenc.ru/c/mal-tuzianstvo-fb6152> (дата обращения 20.09.2024).
- Glovely G.D.* Malthusianism. Great Russian Encyclopedia, 2023. <https://bigenc.ru/c/mal-tuzianstvo-fb6152> (accessed 20.09.2024). (In Russ.)
23. *Цапенко И.П.* Социально-экономические контуры общества долголетия // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 5. С. 34–44. DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-5-34-44
Tsapenko I.P. Socio-economic contours of longevity societies // World Economy and International Relations. 2017, vol. 61, no. 5, pp. 34–44. DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-5-34-44 (In Russ.)
24. *Черешнев В.А., Куклин А.А., Черепанова А.В.* Теоретико-методический подход к прогнозированию социально-демографического развития региона // Экономика региона. 2010. № 2. С. 38–46. DOI: 10.17059/2010-2-4
Chereshnev V.A., Kuklin A.A., Cherepanova A.V. Theoretical and methodological approach to forecasting socio-demographic development of the region // Economy of Regions. 2010, no. 2, pp. 38–46. DOI: 10.17059/2010-2-4 (In Russ.)
25. *Ткаченко А.А.* Демографический оптимум. БРЭ, 2023. <https://bigenc.ru/c/demograficheskii-optimum-d8a2c3?ysclid=m17s9s81o20642424> (дата обращения 20.08.2024).
Tkachenko A.A. Demographic optimum. Great Russian Encyclopedia, 2023. <https://bigenc.ru/c/demograficheskii-optimum-d8a2c3?ysclid=m17s9s81o20642424> (accessed 20.08.2024). (In Russ.)
26. *Вобеска Я., Бутц В., Рейес Г.* Тенденции народонаселения и ответные меры в области политики в регионе: результаты, политические меры и возможности. ЮНФПА, 2013. https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Population%20Trends%20and%20Policies%20in%20the%20UNECE%20Region%20%28Russian%29_0.PDF (дата обращения 27.08.2024).
Wobeska J., Butz W., Reyes G. Population trends and policy responses in the region: results, policies and opportunities. United Nations Population Fund, 2013. https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Population%20Trends%20and%20Policies%20in%20the%20UNECE%20Region%20%28Russian%29_0.PDF (accessed 27.08.2024). (In Russ.)
27. *Yegorov Yu.* Economic Growth and Demography. 2011. 22 p. https://www.researchgate.net/publication/254404760_Economic_Growth_and_Demography (дата обращения 27.08.2024).
28. *Bloom D., Canning D.* Contraception and the Celtic Tiger // The Economic and Social Review. 2003, vol. 34, no. 34(3), pp. 229–247.
29. *Mason A., Lee R.* Intergenerational Transfers and the Older Population / Workshop on Future Directions for the Demography of Aging, Washington, DC. National Academy of Sciences. 2017. <https://nap.nationalacademies.org/read/25064/chapter/11#189> (accessed 31.10.2024).

30. National Transfer Accounts. Database. <https://www.ntaccounts.org/web/nta/show> (accessed 27.08.2024).
31. *Mason A., Lee R., Abrigo M., Lee S.-H.* Support Ratios and Demographic Dividends: Estimates for the World / United Nations Department of Economic and Social Affairs. Population Division, New York, 2017. Technical Paper No. 2017/1. <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/technical/TP2017-1.pdf> (accessed 31.10.2024).
32. 2024 Social Progress Index Methodology Report. https://cdn.prod.website-files.com/6650cb66e461b93f1a906cf2/6685c121d87e1ee17b3cd555_Methodology%20Report_Global%20Social%20Progress%20Index_0.pdf (дата обращения 27.08.2024).
33. Global Social Progress Index Results. <https://www.socialprogress.org/> (дата обращения 27.08.2024).
34. World Development Indicators. World Bank Group. DataBank. <https://databank.worldbank.org/home.aspx> (дата обращения 27.08.2024).
35. *Cervellati M., Sunde U.* Life Expectancy and Economic Growth: The Role of the Demographic Transition // IZA Discussion Paper. 2009, no. 4160. 51 p. <https://docs.iza.org/dp4160.pdf> (дата обращения 27.08.2024).
36. *Калабихина И.Е., Казбекова З.Г.* Влияние первого демографического дивиденда на экономический рост с учётом человеческого капитала // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 81–100. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-5
- Kalabikhina I.E., Kazbekova Z.G.* The impact of the first demographic dividend on economic growth considering human capital // Journal of the New Economic Association. 2022, no. 3 (55), pp. 81–100. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-5 (In Russ.)
37. *Aiyar S., Mody A.* The Demographic Dividend: Evidence from the Indian States // IMF Working Papers. 2011. WP/11/38. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp1138.pdf> (accessed 27.08.2024).
38. *Горшков М.К.* О влиянии неэкономических факторов на социально-экономическое развитие общества // Гуманитарий юга России. 2015. № 1. С. 15–25.
- Gorshkov M.K.* On the influence of non-economic factors on the socio-economic development of society // Humanities of the South of Russia. 2015, no. 1, pp. 15–25. (In Russ.)

DEMOGRAPHIC FACTOR OF SOCIAL DEVELOPMENT

I.P. Tsapenko^{a,**}, K.A. Subkhangulova^{a,**}

^a*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

^{*}*E-mail: tsapenko@bk.ru*

^{**}*E-mail: ksubkhangulova@yandex.ru*

The article analyses the concept of social and demographic development. These concepts are predominantly interpreted as a progressive movement towards a better state, as changes for the better in the quality of life and demographic characteristics of the population. According to the authors, positive demographic dynamics should not be evaluated only as progress, and negative - as regression, without taking into account the socio-economic context and the stage of demographic transition in a particular society. In the context of global demographic changes, including the large-scale spread of depopulation, a new idea of the demographic optimum is constructed, allowing for the absence of population growth and the priority of qualitative socio-demographic parameters (health status, level of education of the population, etc.).

The study shows that demographic processes in different groups of countries pose serious social challenges. These challenges are specific to these territories and have a significant impact on their social development. At the same time, due to the commonality of key population shifts in more and less developed regions of the world, similar social consequences are likely to occur both there and there. The direct effect of life expectancy on the Social Progress Index (SPI) is found to be stronger in the global North than in the South. SPI is used as a composite indicator of quality of life, and the study found an inverse relationship between SPI and the rate of natural population growth. In the North, demographic rather than economic indicators are found to have a more significant impact on SPI.

Keywords: social and demographic development, progress and regression, Social Progress Index, fertility, natural population growth, life expectancy, demographic optimum, depopulation, demographic dividend.